

Содержание

Часть I

«Со мной ничего плохого случиться не может»

Глава 1	
Колы и двойки.....	7
Глава 2	
Как меня обижали в «Артеке».....	16
Глава 3	
Несчастливая любовь.....	27
Глава 4	
Королева красоты.....	40
Глава 5	
Врачи запрещают рожать.....	49
Глава 6	
Неудачные интервью.....	63
Глава 7	
Как меня выгоняли с работы.....	69

Часть 2

Чему я у них научилась

Глава 1

Правила жизни моей мамы **79**

Первое правило:

«Не умирай, пока живешь» **80**

Второе правило:

«Надо уметь меняться» **85**

Третье правило:

«Самое главное не умение говорить, а умение слушать» **86**

Четвертое правило:

«Надо уметь уступать» **88**

Пятое правило:

«Доверяй» **90**

Шестое правило:

«Ничегонеделание — это очень полезно» **94**

Седьмое правило:

«С мужем надо дружить» **96**

Восьмое правило:

«Важно понимать, чего на самом деле хочется» **98**

Глава 2

Тетя Зина **101**

Глава 3

Уроки Сагалаева **109**

Глава 4

Мой напарник Сладков **124**

Глава 5

Водитель для Нины Витальевны **139**

Глава 6

Аганя **146**

Часть 3

Трудно поверить, но это было

Глава 1	
Находка в шкафу.....	157
Глава 2	
Собака Ньюша.....	165
Глава 3	
«Пусть вошь погуляет»	171
Глава 4	
Шведская семья по-русски.....	178
Глава 5	
Успеть до эфира.....	184
Глава 6	
Бабушка, икона, патриарх.....	190
Глава 7	
По Китаю без паспорта.....	203
Глава 8	
Интервью с Ясиром Арафатом.....	213
Глава 9	
«Я тут одна женщина»	224
Глава 10	
Почему вы не надели ордена?.....	230
Глава 11	
Визит королевь.....	241

Часть 1

«Со мной ничего плохого случиться не может»

Глава 1 Колы и двойки

Многие считают меня отличницей: школа с медалью, университет с красным дипломом и наверняка никаких колов и двоек! Но они были. Как и у многих, я думаю.

Первые колы и двойки встретили меня, конечно, на уроках физкультуры, потому что я была категорически не способна оторвать себя от земли. Я могла перешагнуть через планку, но не перепрыгнуть через нее. Я уж не говорю про «козла», на которого надо было заскочить и потом соскочить — это было невозможно. Помню, как смеялись ребята, а мне было обидно. Я была единственным человеком в классе, кто не мог перепрыгнуть через планку на высоте 40 или 50 см. Но я хорошо бегала, каталась на лыжах, забиралась по канату, поэтому учитель физкультуры как-то закрывал мои двойки пятерками. И это было не так уж страшно для меня.

Следующие колы и двойки были гораздо более травматичными. Представьте: я оканчиваю физматшколу №40 в Нижнем Новгороде (тогда городе Горький) почти на все пятерки. Была только одна четверка — по физике. Эту четверку поставила мне мама, которая преподавала в нашем классе физику и считала, что я знаю на четверку. Я согласна. Те, кто у моей мамы учился на пятерку, обожали физику, чувствовали ее. Обычно если выходишь к доске и отвечаешь правильно — это четверка, а потом мама задавала вопрос на понимание. И я отключалась всегда, как только он звучал, поэтому была совершенно с мамой солидарна — четверка и четверка.

Все наши из физматшколы пошли на радиофак, мехмат, ВМК, физтех, то есть на точные науки. Одна я пошла

*Домашнюю работу в школе я всегда делала быстро.
Иногда на переменках. На этом фото мне 14 лет*

А здесь мы с братом Игорем за его уроками. Мне 8, ему 10

на филологический — к ужасу одних, к удивлению других. Но мне хотелось учиться там, куда рвалась душа. Я писала стихи, песни, читала много книг. Мне казалось, что учиться там будет легко и правильно и так я смогу определиться со своей профессией.

Надо добавить, что это был 1969 год. И в том году, как потом выяснилось, в нашем Горьковском университете проводили эксперимент: на подготовительные курсы взяли мальчиков и девочек из деревень, отдаленных районов Нижегородской области, а еще из других республик — Таджикистана и Узбекистана. Они нормально проучились на подготовительных курсах, сдали экзамен, и набор на филологический был закрыт. Только никто об этом не знал!

Когда я в августе пришла на экзамены, то была уверена: сдавать буду один экзамен — сочинение, потому что я отличница. За него я получила четверку — первую четверку в своей жизни за сочинение. Я понимала, что ошибок нет — у меня их не было никогда. Тему помню до сих

пор — «Юность комсомольская моя». Сочинение я написала в стихах, и, в общем, оно получилось неплохое. Но — четверка.

Я вообще совершенно неконфликтный человек, но я испугалась и даже подала документы — узнать почему. Впереди было много экзаменов, да и вообще эта четверка стала для меня нехорошим сигналом. Мне ответили, что сочинение действительно без ошибок, но оно не отвечает теме. И как тут спорить? Короче, четверка.

Ну хорошо, дальше литература. Я знала наизусть всего «Евгения Онегина». И достался мне как раз Пушкин. Меня попросили прочитать наизусть отрывок про Пугачева из «Капитанской дочки». Прозу — наизусть? Женщина, которая принимала экзамен, отрезала:

— Вы должны это знать.

Я знала про «бунт бессмысленный и беспощадный». Но это не то. И по литературе мне тоже поставили четверку. Это был абсолютный шок.

Я даже не представляла, что дальше со мной будет. Дело в том, что ситуация тогда для меня сложилась очень тяжелая психологически. У нас очень дружная, милая, веселая семья, но мои родители очень дружно и мило уехали на байдарках на реку Печора. Мама любила смотреть всякие диковины в этом мире, и одной из них был Маньпупунёр — огромные каменные столбы, которые спрятались среди девственных лесов Коми. Это и по сей день диковина, но сейчас туда вертолеты летают, а тогда они шли 100 километров по тайге. Никакой связи вообще. Но они были уверены, что я поступлю, да и в принципе у нас в семье не принято водить за ручку.

И вот родители в отъезде, есть больная бабушка, крупная собака, и больше, собственно, у меня ничего нет. А мальчик

Вова, мой будущий муж, в стройотряде. И пока письмо дойдет туда, пока обратно — тоже пройдет неделя.

Но у Вовы был близкий друг Женя, мы с ним вместе в походы ходили — пятеро парней и я. Он встретил меня как раз после этой четверки по литературе. Не знаю, как сердце его подтолкнуло — видимо, были какие-то романтические чувства с его стороны. Я вышла из института, и мир мне казался таким, знаете... Несправедливым! Я знала все, литература была моим любимым предметом, я была победителем областных олимпиад по литературе. Но прозу — наизусть? Я должна знать этот кусок наизусть? И — четверка? И я кинулась к Жене:

— Мне поставили четверку по литературе!!!

И зарыдала.

— И чего ты плачешь? — спросил он. — Это университет должен плакать!

Я на всю жизнь запомнила эту фразу. Она меня очень отрезвила. И дальше я уже смело пошла на экзамен по истории. Там было полное издевательство над людьми. Экзамен принимал молодой профессор — не хочу называть его фамилию, не знаю, жив он или нет, — который понимал, что никого брать нельзя: уже все набраны. Ставьте четверки, выше нельзя! Но повторю, поступавшие этого не знали. И профессор сказал:

— Первые, кто подбежит к столу, получают четверку без экзамена.

И все побежали, опрокидывая парты. Я осталась сидеть. Не то чтобы я такая уж гордая — у меня просто рефлекс нет бежать за какой-то четверкой, спасибо родителям. Я осталась сидеть, чем, конечно, сразу вызвала его дикий гнев. Он поставил всем четверки, нас осталось таких двое — я и еще один мальчик. Я пошла первая, ответила про одну

из русско-турецких войн, память хорошая, мозги неплохие. Все ответила, и тогда он спросил:

— А когда закончилось восстановление народного хозяйства после Великой Отечественной войны?

Не было такого в учебниках. Я так прикинула: 52-й, 53-й год...

— Нет, это неправильный ответ. Я могу поставить вам только тройку, потому что это очень важный вопрос.

Тройку! Тройку по истории, с которой у меня никогда не было проблем. И четверок-то не было. Я кивнула:

— Хорошо.

Я помню это свое «Хорошо», а внутри — «Университет должен плакать». Представляете, как было трудно потом этому человеку учить меня, читать мне лекции, смотреть в глаза? Он все прекрасно помнил, и я помнила. Как-то раз он все-таки подошел ко мне:

— Нин, знаешь... Я вот хотел сказать тебе. Бывают такие ситуации в жизни... Ну, ты же от этого только сильнее стала.

— Да, конечно.

Это был такой тип: ему сказали, что надо всех валить, — он пошел всех валить. Веселым образом.

Потом был английский, который я сдала на пятерку. И вот считайте: четыре, четыре, три, пять. Сколько получается? 16 баллов. Проходной балл — 20.

Ну и всё. Я в полном шоке. Приезжают загорелые, пахнущие кострами, ветрами, Печорой родители. Заходят домой:

— Ну, что?

— Не поступила.

— Как не поступила? На филологический?

Им казалось, что это вообще раз плюнуть. И тогда мама сказала папе строгим голосом:

— Витя, одевайся, иди к ректору. Так не должно быть.

Долгие годы папа возглавлял кафедру на радиофаке университета Лобачевского, преподавал там, уже носил редкое звание члена-корреспондента Академии наук СССР (в ту пору таких людей было 200 человек на всю страну). Естественно, с ректором они были отлично знакомы.

Папа редко говорил маме «нет». И еще реже говорил «нет» так жестко. Но тут он отрезал:

— Я никуда не пойду.

И мама тут же умолкла, тут же перестроилась, сказала:

— Ну ничего, пойдешь работать, чего уж там. Поработаешь годик, потом поступишь.

Господи, а все уже поступили, весь класс! А я, звезда, уважаемый человек, с моим знанием литературы, я, которая все сочиняла и организовывала, — не поступила на филологический факультет! Ощущение провала — не то слово. Вообще не хотелось жить.

У меня было удостоверение какого-то там программиста пятой степени, мне сказали, что я могу пойти в математический институт работать на машинах, которые в то время занимали целые километры. Я уже настроилась на это. Даже сходила оформиться на работу, мне дали какие-то анкеты. Я старалась не отвечать на звонки и ни с кем не встречаться, ушла в себя. Моя всегда деятельная мама не знала, что предпринять. Так прошла неделя.

И тут раздался звонок. Папе звонил ректор. С одним вопросом:

— Виталий Анатольевич, я подписываю документы тех, кто не сдал экзамены. Здесь есть документы Зверевой Нины Витальевны. Она имеет к вам отношение?

— Да, это моя дочь.

— Но она не поступила у нас на филологический факультет!

— Да, я в курсе.

— А что же вы не предупредили, что ваша дочь поступает на филологический факультет?

Никогда не забуду, как папа мой ответил:

— Почему я должен кого-то предупреждать, что моя дочь поступает на филологический факультет?

— Виталий Анатольевич, у нас в этом году особый случай. Был преднабор, мы всех набрали. Не было шансов.

— Ну да, не было шансов — как и у других.

Мой отец — он, конечно, совершенно потрясающий! Когда уже стал член-корреспондентом, продолжал ездить на автобусах в Москву, потому что в кассе не было билетов на поезд. Садился на автобус и ехал. Он мог сделать пару звонков, но не делал. А когда мама плакала, что нам так тесно — девять человек в трехкомнатной квартире, — он говорил, что другие живут хуже.

И вдруг снова звонок — надо прийти в университет в приемную комиссию, видимо, за документами. Я пришла, и мне сказали, что оформили меня кандидатом в студенты, то есть свободным слушателем. Я могу ходить на все предметы. И если я хорошо сдам первую и вторую сессии, то меня зачислят.

Я ухватила за этот шанс, сдала первую сессию на все пятерки, вторую тоже — я все сессии сдавала на одни пятерки! Но настоящим студентом я стала только на третьем курсе, когда мне выдали студенческий билет. Вот такая история была у меня в жизни.

Ну а следующая история связана с аспирантурой, куда меня пригласили в нашем же университете. И это была та еще пытка, издевательство, можно сказать.

У меня было три дороги после университета. Я уже работала на телевидении и могла остаться там — но не было ставки, поэтому только внештатным сотрудником. Могла пойти в газету, куда много писала и куда меня брали. И могла в аспирантуру, куда меня пригласили. Но позвали меня, оказывается, для конкурса: в аспирантуру должен был поступать мальчик, сын какого-то районного начальника, и нужен был солидный конкурс.

Я круглая отличница. И те же самые преподаватели, которые ставили мне пятерки на экзаменах, начали говорить, опустив глаза: «Хорошо, но недостаточно». В результате у меня две пятерки и четверка, а у мальчика три пятерки. В аспирантуру я не поступила.

Меня однажды спросили: что делать, если ваш ребенок страдает, получив оценку несправедливо, незаслуженно? Или вы сами попали в такую ситуацию, где вас оценили «на два», хотя вы стоите дороже? «Пусть университет плачет» — отличная фраза, как мне кажется. Не берите на себя. Бывают в жизни всякие обстоятельства. С вами все в порядке — это главное, что вы должны знать. «За одного битого двух небитых дают» — лучше и не скажешь.

А у моей истории было продолжение! В тот момент, когда я не поступила в аспирантуру, позвонили с телевидения и сказали, что у них есть ставка, — меня взяли в молодежную редакцию редактором.

Была еще история с аспирантурой в МГУ — может быть, еще более болезненная, потому что тот провал стал для меня огромным переживанием. Сергей Александрович Муратов, человек, на которого я молилась и чьи книги знала наизусть, лучший профессор телевидения, сам пригласил меня. Я получила пятерку по специальности, потом еще одну, а потом меня

ждал английский язык, с которым — как мне казалось! — у меня не было проблем. Но в МГУ английский преподают по-другому! На более высоком уровне. Там был настоящий английский, а у нас такой «русский английский». Я не понимала ничего, что мне говорили на экзамене, не понимала, о чем спрашивают. Я получила двойку и предложение идти в соискатели. И тогда вспомнила папу, который сказал:

— Почему ты пошла на филологический? Все те же знания ты получила бы в инязе, но еще бы знала и язык.

Это правильно, конечно. Но я благодарна родителям, которые не давили, а признавали за нами право на ошибку.

Глава 2

Как меня обижали в «Артеке»

Я росла в атмосфере любви, творчества, поддержки в прекрасной семье и очень старалась быть активной. В 12 лет стала председателем совета дружины нашей школы №25. Надо было пройти почти что конкурс — серьезная история, много желающих, и мальчиков, и девочек, надо было очень постараться. Выбрали меня. И впоследствии наша дружина стала одной из лучших в городе.

Дружинные дела тоже требовали полной отдачи. Помню, как мы смогли собрать больше всех металлолома. Потом, правда, приходили хозяева нужных металлических конструкций и слезно просили вернуть их назад, потому что в угаре, порыве, стремлении к победе мы насобирали во дворах много того, что людям было очень нужно. Но дружина стала лучшей — то ли в городе, то ли в районе, уже не помню. И по правилам конкурса председатель совета лучшей дружины получал путевку в «Артек».

Я получила путевку в «Артек». В мае. Меня освободили от школьных занятий, сказали, что уроки будут в «Артеке» и что это будет суперинтересно, потому что каждый сможет выбрать тот предмет, который ему больше нравится. И обучение будет насыщенное, интерактивное. Путевка была, как сейчас помню, с 10 мая, а из Нижнего Новгорода мы выехали 13 или 14 мая, потому что ждали нескольких ребят из области. Путевка была на 40 дней, но все равно было очень жаль терять эти три или четыре дня. Я понимала, что к этому времени все уже приедут и отряды будут сформированы.

У нас был сопровождающий — веселый парень, который рассказывал, какой прекрасный «Артек», как нам повезло. Да, он все правильно рассказывал, но все же приукрашивал, потому что знал, что нас везут в лагерь «Кипарисный».

Единственное фото из «Артека».

Удивительно, но с этими девочками мы ровесницы. Я крайняя справа

Только что построенные корпуса стояли на песке, а недавно посаженные кипарисы были не выше 15 сантиметров от земли. А май был жаркий, и тени не было совсем. Надеюсь, что сейчас там мощные кипарисы. Представляете, сколько лет назад это было? Я 1952 года рождения — значит, это был 1966 год.

Ростом тогда я была маленькая — выросла чуть позже, как и мои дети. Есть фотография из «Артека» — там все девочки выше меня. Невысокая, неказистенькая, уже появились прыщички, которые меня очень смущали, как-то тоньше стали косы. Они начинались толстыми, а заканчивались тонкими хвостиками. Сейчас я понимаю, что это просто такой период, когда все в организме меняется.

Всю жизнь я дружила с мальчишками, перенимала их манеры, не умела красиво, мягко, плавно ходить. Так и не научилась, к сожалению. Уметь красиво ходить, танцевать — это очень важно. Бабушка мне рассказывала, что в гимназии за этим следили, она ходила такими маленькими шажками, держала спину. Мама тоже как-то органично это делала. Я — нет. Однажды в пионерском лагере, где я играла роль Снегурочки (был большой успех, как мне казалось), вечером я случайно услышала разговор двух девочек:

— Ну и Снегурочка у нас. Ходит как медведь, голос как у волка, черная, как ворона.

Ужас. Помню, как я рыдала тогда и больше никогда не ходила в Снегурочки. Ну не мой образ точно.

И вот тут мы ехали в «Артек», полные планов! Более того, один из мальчиков сразу начал за мной ухаживать. И какие же мы были идиоты, что не пошли всей нашей компанией в один отряд! Была такая возможность, но мы сосредоточились на выборе любимого предмета.

Когда мы приехали, нас отправили на «переодевалочный» пункт, где с нас сняли все, что на нас было, и выдали шорты, майки, сандалии — все артековское. А приехали поздно, и нужных размеров уже не было. С меня все спадало, все было велико. Дали какую-то веревочку, я подвязала шорты. Пообещали, что через несколько дней привезут вещи моего размера. Ну ничего, это пережили.

Запись в отряды была ранним утром. Парень, который мне нравился, записался в физкультурный отряд. И правильно сделал — они там много бегали, прыгали, ходили по горам. Ну а я сразу гордо сказала:

— Математика.

У меня было все хорошо и с литературой, и с математикой, но мне хотелось подтянуть именно математику. Мне сказали, что в «Артеке» будут разные командные игры, что будет интересно. Девушка, которая записывала, пыталась меня отговорить. Я еще не понимала, в чем дело, и стояла на своем.

Утром меня привели в отряд в лагере «Кипарисный» в комнату, где стояли кровати. Много нас было, человек шесть девочек. И оказалось, что для меня кровати нет. Мне показали на одну:

— Ложись вот сюда, это будет пока твоя кровать.

Тут же ко мне подошли девочки, сильно старше меня. И они сказали, что здесь спит девочка, которая сейчас болеет и находится в изоляторе, но вернется через два дня. Они говорили по-русски с акцентом, приехали из наших восточных кавказских республик — и как приехали вместе, так вместе и поселились, позаботились об этом заранее. Им совсем не нужен был новый человек. Стояли насмерть, выгоняли меня вместе с моей сопровождающей. Сопровождающая ушла, а я осталась.

И получилось, что шорты мне поменяют, когда привезут моего размера, и кровать мне поменяют, когда девочка придет из изолятора. Я как-то это пережила, разложила вещи под взглядами «не хочешь сама уйти, значит, мы тебе поможем».

И они стали «помогать». Когда наклоняешься, чтобы положить сандалии на полку — тебя толкают в попу, и ты падаешь. Когда приходишь спать, оказывается, что матрас весь мокрый. А вокруг скачут и смеются, что это твои «детские радости» еще с ночи остались.

В общем, я растерялась. Любой бы, наверное, растерялся. Ведь у меня в жизни вообще не было ничего такого, даже близко! Были любящие родители, прекрасный университетский дом, друг Андрюшка с трех лет рядом — и друг, и паж. А тут какие-то совсем другие люди, которые совершенно не собираются меня жалеть и мне сочувствовать.

Я терпела. Записалась на все кружки, везде, где только можно, — и стихи читать, и готовить праздник какой-то артековский. День я была занята с другими людьми, где все было в порядке. А вечер, ночь, утро — вот это все надо было как-то выдержать и перетерпеть.

На третий день нас всех собрали у большого костра — такое там было традиционное знакомство, где каждый должен был рассказать о себе. До этого никто меня по имени не называл, я же слышала, как кого зовут, и запоминала эти неожиданные для себя имена. У этого костра мне опять не повезло — меня первую попросили рассказать о себе. И я очень гордо рассказала, что папа у меня ученый, мама — учитель физики, а я сама председатель совета дружины, и наша дружина лучшая. И все время был хохот, все время были подсмеивания. Я рассказала вроде нормально, как полагается, сделала «самопрезентацию». Сейчас тысячи людей в моей онлайн-школе или

на моих курсах делают самопрезентации. А тогда, в «Артеке», это была первая и самая трудная самопрезентация в моей жизни. Конечно, я хвасталась, потому что была хвастунишкой. «Артек» отучил меня от хвастовства. Но, видимо, не насовсем, потому что дальше были еще истории, когда я не чувствовала ситуацию, момент, людей. А тогда я совсем не почувствовала.

Следующим был веселый парень, который коротко хохотнул:

— Папа заплатил, я и приехал.

И дальше все по кругу повторяли:

— Папа заплатил!

— Мама заплатила!

И хохотали. У нас была начинающая вожатая, которая совершенно не справлялась с ситуацией. Она краснела, бледнела, просила:

— Ребята, не надо шуток.

А в ответ слышала:

— Так это не шутки. Папа заплатил — я получил то, что хотел.

И вышло так, что я со своей дружиной, успехами, заслуженной бесплатной путевкой оказалась опять абсолютным изгоем.

Примерно через неделю мне улыбнулось счастье. Дважды. Во-первых, я встретила парня, с которым мы вместе ехали, и он меня очень поддержал. Я не жаловалась, но он тоже переживал, что мы не вместе, что мы дураки — так плохо записались, он тоже не мог найти там себе друзей. И я поняла, что не у всех все так хорошо и не у одной меня так плохо. Он говорил и держал меня за руку, это была какая-то хорошая, добрая, чувственная поддержка.

Мы долго стояли и разговаривали. А в «Артеке» же нельзя ни долго стоять, ни разговаривать, там речовки, движение,

ходьба. Не знаю, как сейчас, а тогда это был абсолютно военизированный лагерь. Мы скандировали «Кто шагает дружно в ряд? Пионерский наш отряд» и так далее, один запекает, другие подхватывают. Я предложила сочинить речовки самим, меня тоже не поняли. Ходили как солдаты, в Мисхоре на нас пальцем показывали: «Ведут дрессированных». Я мечтала совсем о другом «Артеке».

Через неделю случилась еще одна история. Ко мне под покровом вечера, улучив момент, подошла девочка, единственная, которая мне нравилась из отряда. Ее звали Неля Орджоникидзе, родная внучка Серго Орджоникидзе, очень интеллигентная. И она мне сказала:

— Не обижайся на них. Они все друг перед другом выступают. Но они неплохие ребята. У нас так принято, в нашей культуре все по-другому.

Она меня поддержала, мы договорились, что она будет иногда подходить. Да и ребята немножко смягчились, задевали уже меньше. Видимо, они впечатлились моей стойкостью, но все равно жить с вечными издевками было очень трудно. Я могла написать родителям, чтобы меня забрали. Первые два-три дня меня посещала такая мысль, но потом она ушла. Я поняла, что должна решить эту проблему сама. У меня был огромный запас любви и силы. Я понимала, что меня ждет мой город, мои друзья и дом, мне есть на что опереться. И в «Артеке» это тоже я, тоже моя жизнь. Оказалось, что жизнь бывает и такой. Но несмотря на то, что я готова была принять и этот опыт, мне очень хотелось, чтобы все поскорее закончилось.

К нам должен был приехать, не поверите, Фидель Кастро! Нас начали готовить к приезду большой кубинской делегации.

В «Артек» и до этого приезжали иностранцы, нас все время инструктировали, что нельзя попрошайничать, клянчить шариковые ручки и пакеты, хотя мы вообще не знали о существовании шариковых ручек. Но когда говорят, что не надо попрошайничать, то все начинают это делать. Ребята из Германии, Чехословакии, какие-то взрослые люди, которые рассказывали нам про социализм и коммунизм, привозили большое количество шариковых ручек. У меня хватало гордости не подходить, не просить, не брать. Но тем, кто их выклянчил и у кого они были, завидовала ужасно! Представляете, какая ценность была шариковая ручка или пластиковый пакет?

В связи с предстоящим визитом Фиделя Кастро нас всех собрали на стадионе. Было холодно, дождь, ветер. Мы в шортах (мне их все-таки поменяли) должны были стоять и кричать речовки в честь Фиделя Кастро. Я запомнила их на всю жизнь, потому что надо было кричать много-много раз: «Патрио о муэртэ!», «Патрио о муэртэ!» — «Родина или смерть!».

Кричала я очень громко, сорвала голос и сильно простудилась. На следующий день поднялась температура 38 с лишним, меня увезли в изолятор. И вот там у меня началось счастье. Меня там никто не обижал. Там я познакомилась с прекрасной девочкой Таней, с которой мы очень подружились. Я мечтала только об одном — чтобы моя ангина продлилась подольше. И она длилась долго — две недели.

Когда я вернулась в отряд, выяснилось, что нам сменили вожатую. Сейчас я думаю, что дедовщина по отношению к вожатой была ничуть не меньше, чем по отношению ко мне. Вместо нее появился новый вожатый, мужчина, который тоже с трудом справлялся. Короче, меня не стали возвращать в мой отряд, отправили в какой-то другой и предложили продлить мое пребывание в «Артеке» на те две недели, что я была

в изоляторе. Я торжественно отказалась, потому что очень хотела домой.

В новом отряде я ни с кем не подружилась. А с Нелей Орджоникидзе и мальчиком из нашей Нижегородской (тогда Горьковской) области мы очень долго потом переписывались (тогда были только письма). С Нелей — лет 10, потом как-то потерялись.

А после смены мы нашей веселой чудесной компанией ехали домой. И я была довольна собой, но... когда поезд приехал и на перроне я увидела папу с цветами, то вышла и разревелась. Он вообще ничего не понял, потому что я писала, что у меня все отлично. А на перроне стояла, обняв его, и плакала. У него вся рубашка была мокрая, он не шевелился, ни о чем меня не спрашивал.

Мне потом иногда задавали такой вопрос: «Часто люди, попав однажды в такую ситуацию, становятся жертвами на всю жизнь. Как получилось, что у вас она больше не повторялась?»

Буллинг это называется? Нет, такого в жизни со мной больше не было. Думаю, я тогда, 14-летняя, оценила свое поведение сама для себя как правильное, как в целом успешное. Если бы я не нашла Нелю, я боролась бы за перевод в другой отряд, не позволила бы себе долго оставаться среди мокрых матрасов и пинков. Нет. Я обязательно что-то сделала бы. Всегда любила действовать и всегда верила: хороших людей на свете больше.

Я не хотела жаловаться, потому что это слабость, а слабость в себе я ненавидела. В ту ночь, когда мне облили матрас, я просто не спала, сидела на краешке кровати, у меня не было другого выхода. Но к вожатой не пошла. Мне не с кем было посоветоваться. Видимо, меня научили книги, что ли, ведь в реальной жизни таких ситуаций не было.

Хотя нет, нельзя сказать, что не было совсем. Нас с моим другом Андрюшкой, например, старшие мальчишки все время заставляли целоваться. Старшие же всегда издеваются над младшими, правда? А тут дружба такая, мы все время ходили за руку, нас сталкивали и заставляли целоваться — тогда они дадут нам что-то сладкое либо, наоборот, накажут, если мы не согласимся. Но мы никогда этого не делали. Никогда! Я и Андрея любила вот за эту жесткость, твердость такую. Мы отворачивались друг от друга — и что угодно с нами делай! Нас закапывали вдвоем в снег и уходили, Андрей раскапывал и себя, и меня, нас дразнили «жених и невеста». Я рассказала маме, что нас дразнят, когда мы пошли в первый класс за ручку, и мама ответила:

— Вот и продолжайте ходить за ручку. Через неделю всем надоест.

Так и случилось. Поэтому не скажу, чтобы совсем-совсем была к этому не готова. Не бывает безвоздушного пространства. И мои родители точно дали мне сигналы, как действовать. Папа читал нам каждый вечер серьезные романы — и Вальтера Скотта, и Чарльза Диккенса, в них же описывается очень много разных ситуаций, в том числе рассказывается про людей, которые преодолевали трудности. Эти литературные герои — они жили во мне. И сопротивление у меня внутри, конечно, было очень большое.

Однажды, много лет спустя, мы с оператором Михаилом Сладковым оказались в очень жесткой ситуации. Вообще у нас много было разных журналистских, бытовых ситуаций, но этот случай особенный. В России по приказу Ельцина закрывали лагеря для политических заключенных, мы поехали снимать об этом документальное кино. И как это часто случалось в моей жизни, я была единственная женщина среди

большого количества мужчин. Туда приехали бывшие политзеки. Июнь. Пермская область. И жара 40 °С. Нас посадили в пазик, воды не было, а ехать мы должны были, как выяснилось, 250–300 километров. Без воды. Тогда меня поразили эти люди. Они совсем не потели, настолько были сухие, поджарые, могли в любой ситуации выжить. Вода, которая у кого-то случайно оказалась во фляжке, сразу досталась мне, естественно.

Так мы и ехали часов пять или шесть по этим дорогам. Съездили еще на кладбище, тоже без еды, без воды, я выходила из автобуса по малой нужде — они отворачивались, они выходили — я отворачивалась. И когда вечером мы вернулись в какую-то, честно говоря, поганую гостиницу, то Михаил Михайлович Молоствов, депутат Госдумы, знаменитый правозащитник, зашел к нам с Мишей и сказал:

— Знаете, вы бы в лагере выжили. Оба. С вами никто ничего не сделал бы.

И я могу сказать, что это редкий комплимент за мою жизнь. Мы с Мишей просто расцвели. Такой комплимент от этих людей... Стойкость во мне есть, безусловно. И возможно, «Артек» тоже вложил монетку в эту копилку.

Вообще я не верю в плохое. Мне все время кажется, что со мной не может произойти ничего страшного. Не может — и все. Не может. Я работаю, действую, все, что могу, делаю... Это характер, или воспитание, или от Бога, не знаю. Я же падала в машине на БАМе, мы несколько раз перевернулись. Тогда я впервые услышала, как люди кричат от страха. В машине было две женщины и трое мужчин, кричали мужчины, мы — нет. У уазика отлетело колесо, мы видели, как оно покатилося впереди нас, а наша машина переворачивалась и чуть не упала с обрыва, но зацепилась за дерево, оно качалось, а ниже — пропасть. Первыми через покосившуюся

дверь вылезли мужчины. Ну а мы с режиссером Ниной Рошиной — уже за ними.

Даже когда мы летели в машине, у меня была одна мысль. Нет, не прощание с кем-то или сожаление о том, что мужу придется в одиночку воспитывать детей. Нет, я была уверена, что ничего плохого произойти не может. Не может.

И не произошло.

Глава 3

Несчастливая любовь

Мы с мужем 53 года вместе (на момент, когда пишется книга). 53 года назад я шла в загс уверенным шагом. У меня есть кусочек видеозаписи — папа заснял церемонию на 8-миллиметровую киноплёнку, а я потом все это оцифровала. Наши дети и внуки могут смотреть видео нашей свадьбы и понимать, что это было время, когда их не было на свете, и что именно благодаря этому событию они появились — такая загадка и чудо природы.

Я влюбилась очень рано. Наверное, многие это знают, потому что я часто об этом рассказываю: я познала всю горечь и несчастье невзаимной любви. Кто-то очень правильно сказал, что именно несчастная любовь делает человека человеком, потому что счастливая любовь затмевает разум, делает слепым и глухим, и кажется, что весь мир — для тебя. Человек не замечает, что рядом есть люди, которым не так повезло. И часто потом случается крах — вдруг оказывается, что вовсе не любовь это была, а временная страсть, обман.

У меня было по-другому. Давайте я вам нарисую словами картинку. Девчонка. Косички. Я заплетала их сама. Мама была

либо в больнице, либо на работе, папа никогда не умел этого делать. А косы у меня были довольно жесткие, вечно торчком, перекошенные. Когда я в восемь лет попала на телевидение, мне всегда их перезаплетали. А когда уже у меня росли девчонки, я очень нервничала, что все умеют плести аккуратные косички, а я нет.

Так вот — девчонка с косичками. Мне 12 лет. Я уверенная в себе, веселая, очень любимая. Прихожу домой из школы. Не одна — у меня был друг Андрюшка. Я за него собиралась замуж где-то лет с семи. Он был против, и родители его не очень обрадовались, а я как-то очень спокойно выбирала себе, за кого выйти замуж. Андрюша был абсолютно в моей власти, и его родителям это очень не нравилось. Но мы сидели за одной партой, я делала за него уроки — куда ему было деться? Чудесный был Андрюша.

Мы дружили с трех лет. Я первая сделала ему предложение, сказала, что, когда мы вырастем, поженимся. И он мне ответил тогда очень обидное:

— Я еще не решил, на ком поженюсь.

Помню, что тогда я, как маленькая женщина, сделала для себя вывод, что больше не надо первой делать предложение. Очень уж неприятно, когда мужчина отказывает.

Мы продолжали дружить с Андрюшей. Такая была хорошая детская дружба, позволявшая мне учиться общаться с мальчиками. А еще у меня был старший брат Игорь! Вообще, старший брат, я вам скажу, это пропуск в счастливую семейную жизнь для девочек. Мало того что его друзья невольно становятся женихами: они приходят в дом, тут девочка растет, это так трогательно, они видят ее по-другому. Но и для самой девочки это умение общаться с мужчиной, который чуть старше. Мы с братом жили в одной комнате и очень дружили.

Так вот — я, девчонка с косичками, пришла из школы, естественно, с Андрюшкой, он жил напротив и ушел к себе в квартиру, я — к себе. Андрюшин папа не имел никаких научных регалий, но квартира у них была трехкомнатная. Мой скромный папа был доктором наук и профессором, но квартира была двухкомнатная. Мы с братом в одной комнате, родители в другой, которая одновременно была еще и общей комнатой.

Прихожу домой и слышу, что из большой, общей, комнаты слышны мальчишеские голоса. Я заглянула туда и побежала на кухню, где готовила мама:

— А кто это у Игоря?

— Это его друзья, мои ученики. Они готовятся к КВН. Иди выбирай себе жениха.

Она сказала это в шутку, но в каждой шутке есть доля «нешутки». Я проверила косы, опять их неправильно переплела. И стала искать «информационный повод», чтобы зайти, потому что меня там не ждали, я им была абсолютно не нужна.

И тогда я придумала прекрасный финт. Взяла учебник алгебры — мальчишки-то из физмата. Мама была одним из организаторов физико-математического лицея, туда было трудно поступить, были только девятый и десятый классы, настоящий рай для умных мальчишек. Игорю 15, кому-то 16, ну а мне 12. Я взяла учебник по алгебре, отлистала его назад. Это опять был хитрый ход, чтобы на глазах у мальчишек быстро решить любую задачку. И вот уже в школьной форме вошла в комнату и громко сказала:

— А у меня задачка не получается!

Ноль внимания! Ноль! Обидно до смерти. Один серый глаз как-то на меня блеснул с пониманием — и снова отвлекся. Тогда я со своей «неполучавшейся» задачкой села на диван наблюдать. Они готовились к КВН. Смеялись, спорили, им

было так классно друг с другом! Я там была совершенно не нужна. Но до чего были хороши ребята, столько смеха, остроумия, идей! Я принялась разглядывать тех, кого не знала. Илюша, друг Игоря, сын маминой подруги, с детства был мне знаком, а еще троих я не знала.

Один высокий, тоненький, как тростиночка, с огромными глазами — сколько было иронии в этих глазах! — и длинными ресницами. Это Женя. Другой — Витя Гапонов, сын академика Гапонова, вот прямо видно, что очень хороший парень. Долго мы потом дружили, вплоть до его гибели. Я звала его Босс — он 190 см ростом, и тогда в комнате он ко всем склонялся и все время уговаривал:

— Да не надо ссориться. Вот это хорошо. И вот это хорошо!

Женя, Витя и третий. Третий — маленького роста, что его нисколько не смущало, с серыми глазами и челочкой, которой он все время встряхивал. Он-то и был капитаном команды КВН. Я все время поглядывала в его сторону. Вова — так они его звали. Но вообще они называли друг друга «соколики». Такая очаровательная компашка из пяти парней.

...Я уже сказала, что в этой истории не будет все розовым. Женя ушел из жизни первым, погиб в горах. Он был очень самонадеянным человеком, самоуверенным, один пошел искать путь, чего альпинистам делать ни в коем случае нельзя. Всех оставил, упал, разбился. Помню, как мы с Витей собирали полевые цветы — Женька очень любил полевые цветы — на его могилу.

Через год ушел Витя, разбился на машине — закрыл своим длинным телом любимую жену.

Осталось трое — Вова, мой брат и Илюшка, друг детства. Двое друзей ушли молодыми. Я рано встретила со смертью, и, мне кажется, это очень повлияло на меня. Всегда была

жизнерадостной, думала, что со мной и с людьми, которых люблю, ничего плохого не случится. Но также рано поняла, что не всегда все зависит от меня.

...Вернемся к тому веселому обсуждению КВН. Я больше ничего не говорила, сидела со своим учебником, как вдруг он подошел! И дальше у нас, как говорится, показания разнятся: Вова до сих пор утверждает, что я уселась к нему на колени. Ну не могла воспитанная девочка из интеллигентной семьи устроиться на колени к незнакомому мальчику! Не было этого, может, рядышком как-то села... Он начал смотреть задачу. Я хлопала ресницами, как могла. Он мне ее быстренько решил, объяснил, а потом вдруг добавил:

— Вообще-то есть еще несколько способов решения.

И был очень разочарован, что мне эти способы были совершенно неинтересны. В общем, этот момент я проиграла, и что-то замкнуло. Я ведь искала мужа, отца своих детей — и когда он решал задачку, и когда он готовился к КВН, где он был капитаном, главным над всеми, они сами его выбрали... Его все любили, его нельзя было не любить, он излучал обаяние.

Я пошла к маме на кухню и сказала, что выбрала мужа. Мама уронила все, что можно было уронить:

— Ты серьезно?

— Серьезно. Вову.

Мама немножко помолчала. Видно, у нее была надежда на сына академика, как у всех мам.

А потом сказала:

— Ну если замуж, то за Вову.

— Почему?

— Ты знаешь, там ведь семья большая, простая, он все умеет. Всегда работает, многое может.

Я кивнула. В общем, я выбрала мужа. Но он-то меня совсем не выбирал. И еще этот ужасный период от 12 до 15 лет, меня тогда еще перестали звать на телевидение в эфир, и было ощущение, что меня будто все бросили. Я очень ждала, когда Вова придет к нам домой поиграть в шахматы, все время уговаривала Игоря позвать его в гости. Представляете, я утыкалась носом в его куртку, чтобы побыть с ним. Это был какой-то чувственный момент. Однажды, помню, ехала на трамвае и увидела эту полосатую курточку — у него одна такая куртка и была. Выбежала из трамвая, остановилась и подумала: что я скажу? Ну, догоню — что скажу? Все-таки догнала, парень обернулся — это был не Вова. Одновременно и разочарование, и облегчение. Несчастливая любовь.

Я начала писать стихи:

*Любовь — это тайный и сказочный лес
С тропой отчаянья и рощей чудес,
С вершиною счастья и с пропастью лжи.
И с каменной пастью. Не надо, не жди.*

В общем, происходило то, что, наверное, бывает с людьми, которые испытывают очень мощное эмоциональное потрясение. Тогда, в 12–13 лет, в мою жизнь вошла поэзия. Я не только писала стихи, но и очень много читала — и поэзию, и прозу — и запоминала наизусть, память была хорошая. Папа продолжал вечерами читать нам книги, они все отзывались в моей раненой душе. Я росла, взрослела, менялась внешне. И когда мне исполнилось 15, я начала понимать, что я уже девушка, что на меня обращают внимание, и все время думала: заметит он или нет? И мне казалось, что однажды он обомлеет от необыкновенной моей красоты, от моей гибкой

талии. Я никогда моделью не была, но талия была тонкая — 60 сантиметров.

Женька тоже приходил к нам играть в шахматы. И он тоже, как и мой брат, дружил с Вовой, они вместе учились с 1-го класса и вместе пришли в физматлицей. От Женьки я узнала, что Вова побывал в «Орленке» и там влюбился. И после смены он поехал к той девушке.

Мне было 15, я была хороша собой, Джульетта такая. А он был влюблен, и по нему это было очень заметно. Приходя, он как-то отстранялся. Однажды со мной завел разговор Витя Гапонов:

— Нин, так нельзя. Ты все время смотришь на него, не отводя глаз. Следишь, где он, все время говоришь, спрашиваешь о нем. Девушки не должны себя так вести. Вот Соня моя (он уже был влюблен тогда в будущую жену Соню) делает так, чтобы я ее искал глазами, чтобы я за ней ухаживал. И ты должна хотя бы сделать вид, что ничего больше нет.

Тогда я решила влюбиться в Женю. Женя оказывал мне знаки внимания, к тому же тогда он стал еще красивее. Безумно талантливый, писал научные

*Такой я была,
когда влюбилась в Вову*